

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПОСТИЖЕНИЯ ЕГО ИДЕНТИЧНОСТИ (ВВЕДЕНИЕ)

Проблема человека и его идентичности в системе социально-гуманитарного знания занимает одно из центральных мест. Разумеется, ни у кого из ученых нет монополии на изучение и решение данной проблемы. К изучению человека обращаются не только социальные науки, но и философия, искусство, религия, литература, наконец, политическая практика. Следовательно, это — не только философская (метафизическая) и научная, но и художественная, этическая, теологическая или практическая проблема. Но человек является также проблемой и для самого себя, ежедневно ставя и пытаясь решить свои «внутренние» вопросы, имеющие для него непреходящий характер.

Можно предположить, что в истории философской и социальной мысли сложились три основные теоретические модели (образы) человека: (1) человек как исторический субъект, творец истории, имеющий миссию и преследующий свои цели и интересы (субстанциалистская философия); (2) человек как случайное существо, заброшенное в мир и затерявшееся в нем, выпавшее из потока истории и потерявшее свои жизненные ориентиры, хотя и стремящееся обрести желаемую свободу (экзистенциализм); (3) человек как «божественное существо», стремящееся к Абсолюту, который может ему указать на правильность избранного пути (трансцендентизм). Думаю, что все три версии, которые можно представить соответственно как позиции «извне», «изнутри» и «свыше», неполны, но интегрировать их вместе пока еще никому не удавалось, хотя имелись неоднократные попытки.

При этом важно отметить, что каждой из предложенной выше модели соответствует в нашем понимании определенное состояние идентичности человека как его тождественности с миром и сопричастности бытию: «внешнее», «внутреннее», «трансперсональное».

Человек как особый род сущего («внешняя» идентичность)

Выделим для начала некоторые особенности субстанциалистской модели (образа), в основе которой лежит взгляд на человека «извне», т.е. как на объект, существование которого обусловлено преимущественно

объективными факторами и лишь в незначительной мере – субъективными причинами.

В философской и научной литературе человек определяется, во-первых, как «особый род сущего, высшая ступень развития живых организмов на Земле субъект социального творчества, творец культуры и истории Человек – биопсихосоциальное существо (представитель вида *Homo sapiens*), генетически связанное с другими формами жизни, выделившееся из них благодаря способности производить орудия труда, обладающее членораздельной речью, мышлением, сознанием и нравственно-этическими качествами»¹.

Во-вторых, человек рассматривается как многомерный объект исследования: «На человека – поскольку он многомерен – можно посмотреть с разных точек зрения: биологической, социологической, психологической, культурологической и т.д. В результате мы можем иметь разные картины исследуемого объекта»². Мы полагаем, что многомерный образ человека, представленный в ряде научных работ, дает нам взгляд на него «извне», т.е. как на «внешний» объект познания. В этом случае, как подчеркивают Ф.В. Лазарев и Б.А. Литтл, человек «постоянно оказывается продуктом исторических и социальных обстоятельств, жертвой среды, заложником неумолимых законов истории и т.п.»³. Именно такой взгляд предусматривает одна из разновидностей полидисциплинарного исследования человека, в котором он предстает как «мир объективаций» (Н.А. Бердяев).

В качестве онтологической основы исследования многомерности человека некоторые авторы предлагают «два основных положения: (1) идея многоуровневой природы человека и (2) идея многомерной сущности человека»⁴. Человек рассматривается ими как космо-био-социокультурно-экзистенциально-духовное существо. Соответственно в нем выделяются шесть уровней: природный или космический (физико-химический состав человека), биологический (телесный уровень человеческого существования), социальный (существо, способное создавать условия своего бытия и осуществлять совместную деятельность), культурный (человек как носитель ценностей), экзистенциальный (человек как индивидуальное существо, стремящееся к свободе) и духовный (человек как метафизическое существо, осознавшее свое единство с миром)⁵. Высшей

¹ См.: Человек. Философско-энциклопедический словарь. М., 2000. С. 414.

² Лазарев Ф.В., Литтл Б.А. Многомерный человек. Симферополь, 2001. С. 17.

³ Там же. С. 38.

⁴ См.: Философская антропология. Человек многомерный: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Лебедева. М., 2010.

⁵ См.: там же. С. 9-30.

степенью человеческой эволюции авторами признается духовный уровень, ведь «человек — это единственное существо, сознательно рефлексирующее свою связь с Космосом, пытающееся определить свое место и предназначение в нем и оценивать свою жизнь и поступки не только с точки партикулярного характера своих личных или социальных интересов современного ему общества, но и с точки зрения вечного и бесконечного Бытия (Космоса, Вселенной, Бога)»⁶.

Далее авторы упомянутой книги, вопреки предложенному ими подходу, дают описание еще нескольких образов человека — обучающегося, политического, правового, массового, религиозного, морального, эстетического и любящего. На каком основании они выделяют эти дополнительные стороны человеческого бытия, оказывается неясным. Столь же непонятным остается и общий замысел книги, названной «Философская антропология». Почему в ней рассматривается именно шесть, а не восемь и более сторон человека? И где главные проблемы данного раздела философии, которые традиционно включаются в описание его предметной области (происхождение человека, дуальность его природы, антропологические универсалии, основные феномены и фундаментальные характеристики, телесность и сознание, свобода и необходимость, жизнь и смерть, страх и одиночество, страдание и счастье и др.)?

Такое же ощущение неполноты и незавершенности в построении многомерного образа человека вызывает и монография Ю.Г. Волкова и В.С. Поликарпова, в которой выделяются и описываются по известным только авторам соображениям семь граней человека: космическая, биологическая, социальная, культурная, психологическая, этическая и экзистенциальная⁷. Подобное деление относится, на наш взгляд, к изучению человека «извне», когда в качестве предмета выступают его различные «внешние» сущности, взятые в произвольном порядке.

Но сколько бы измерений и сторон человека ни выделяли авторы указанных выше книг, им не удастся уйти от предвзятости в собственных позициях и преодолеть взгляд «извне». Человек в их концепциях будет по-прежнему разделен подобно пирогу на части, выделяемые аналитическим путем и с учетом идейно-теоретических ориентаций и предпочтений. При этом остается огромный соблазн распределить эти части между различными науками (биологическая — биология; социальная — социология; культурная — культурология; психологическая — психология; образовательная — педагогика; этическая — этика; политическая —

⁶ Там же. С. 18.

⁷ См.: Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Многомерный мир современного человека. М., 1998.

политология; правовая – юридическая наука и т.д.), оставив за философией и теологией экзистенциальную и духовную составляющие как самые «лакомые» куски пирога. Правда, имеется еще один вариант «дележа» пирога под названием «человек как объект познания» – отдать все на откуп антропологии и ее различных ветвей (культурной, социальной, политической, экономической, политической, юридической и пр.). А особенно вездливым и дотошным исследователям наверняка захочется еще и предложить разные версии общей антропологии («интегративной», «интервальной» антропологии или метантропологии), чтобы окончательно сбить с толку неразборчивого читателя и запутать его в совсем неочевидных вещах.

Отметим еще одну особенность субстанциалистской модели (образа) человека. Она предполагает ограничение свободного выбора: каждый человек приходит в этот мир, чтобы осуществить свою миссию (в нашем понимании – матрицу предназначения) и стать субъектом истории, как своей собственной, так и общественной. И тем самым он вписывает свое имя в историю. И кем бы он ни был – «незавершенным проектом», «открытой возможностью» и т.д., – он должен выполнить свое предназначение до конца. Так, многие философы прошлого (С. Кьеркегор, У. Джеймс, А. Бергсон, Т. де Шарден) полагали, что человек – истинный творец истории и хозяин собственной судьбы. Причем эта миссия осознается человеком лишь отчасти, как его собственный и свободный выбор. В остальной же своей части она является производной от влияния культуры или социальных условий. Субъективная составляющая исторической миссии определяется в свою очередь *жизненной стратегией человека и уровнем его духовности*, а его объективная составляющая зависит от конкретных (благоприятных или неблагоприятных) жизненных обстоятельств и условий.

Таким образом сущность человека и его идентичности определяется в субстанциалистской модели факторами природного (в т.ч. биологического), космического, социального, культурного и т.п. характера. В зависимости от того, сколько граней или измерений выделяют конкретные исследователи, придерживающиеся взгляда «извне», можно предложить практически неограниченное число видов идентичности (социальной, культурной, профессиональной, политической и т.д.).

Человек как самобытие («внутренняя» идентичность)

Но существует и другой взгляд на человека, взгляд «изнутри». В данном случае «человек выступает как субъект самодетерминации, как носитель индивидуального начала и как возможность экзистенции Вместе

с тем бытие человека изнутри вовсе не есть некая чистая субъективность, ибо оно раскрывается лишь навстречу трансценденции, лишь сопрягаясь с высшими силами и порядками универсума»⁸. Такой взгляд характерен для философа-исследователя, для которого «познание человека с необходимостью выступает как самопознание, как постижение того, что дано нам “изнутри”»⁹.

В истории философской и социальной мысли имеются разные суждения о сущности человека, базирующиеся на ее познании «изнутри». Так, например, у Фихте человек рассматривается как идеальный образ. «Понятие человека, – писал он, – идеальное понятие, так как цель человека, поскольку она есть, недостижима. Каждый индивидуум имеет свой особый идеал человека вообще; эти идеалы и не различны в смысле содержания, но все-таки отличаются по степеням; каждый оценивает согласно собственному идеалу того, кого он признает за человека»¹⁰. И еще: «В этой борьбе духов с духами побеждает всегда высший и лучший человек; таким образом, благодаря обществу возникает усовершенствование рода»¹¹.

У Н.А. Бердяева человек есть точка пересечения двух миров – природного (материального) и духовного (трансцендентного). Он не вмещается в природном мире, выпадая из орбиты его существования. Поэтому он глубже и сложнее, чем его биологическая и социальная природа¹². Как известно, наука рассматривает человека как объект конкретно-эмпирического (биологического, психологического, социологического и т.д.) познания, тогда как для трансперсональной философии человек – факт внеприродный и внемировой. Он есть не объект, а субъект высшего самосознания, образ и подобие абсолютного бытия.

Таким образом вторая (экзистенциалистская) традиция настаивает на самоопределении человека. В философии экзистенциализма человек предстает как «бытие того сущего, которое открыто для открытости бытия, в которой оно находится благодаря тому, что переносит ее» (Хайдеггер), возможность самобытия (Ясперс), «открытая возможность», необъективируемая по своей сути (Сартр). В экзистенциализме (страх как основное состояние человека), «бытие-в-мире», забота (основная структура самого существования), понимание, настроенность и заброшенность проявляется истинная природа существования человека в мире.

⁸ Лазарев Ф.В., Литтл Б.А. Многомерный человек. Симферополь, 2001. С. 38.

⁹ Там же. С. 17.

¹⁰ Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого // Фихте И.Г. Сочинения. СПб.: Наука, 2008. С. 162.

¹¹ Там же. С. 163.

¹² См.: Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 296-297.

Поэтому идентичность человека в данной традиции имеет «внутреннее» (экзистенциальное) измерение. Она выражает способ осознанного самобытия человека, его субъективный опыт существования в мире и причастности к нему.

Человек как метафизическое существо (трансперсональная идентичность)

Но имеется еще один смысл человека — *метафизический*, который делает его историческую миссию теоретически труднодоказуемой и практически неосуществимой, а его экзистенциалии недостаточными условиями существования в мире. Наиболее полно такой взгляд отразился в философии трансцендентного. Назовем условно этот подход взглядом «свыше», который характеризует, на наш взгляд, трансперсональную рефлексивность человеческого познания, его способность к трансценденции, т.е. к выходу за социокультурные рамки, детерминирующие познавательную деятельность¹³.

Да, действительно, в своей ипостаси индивидуального бытия в мире человек есть случайностное существо, не ведающее того, для чего он создан и что он творит. При этом экзистенциалистская концепция человека упирается в критику ограничений свободы, детерминированной изнутри, и остается тем самым на позиции человеческого познания «изнутри». Однако уже Хайдеггер в своем «бытии-в-мире» видит «выход за пределы», трансценденцию. А последовательная трансцендентистская версия идет дальше, заявляя в той или иной форме о внеземном происхождении человека и его божественной сущности. Именно в этом смысле человек, по Ф. Ницше, есть еще *незавершенное животное*; он не завершен и не может быть завершен до конца. В ипостаси же божественного предназначения человек создан Богом по своему образу и подобию, хотя от него самого зависит, каким он предстанет перед Господом в свой последний час.

Интересный взгляд на разделение сфер познания предлагает К. Ясперс. Он «различает три способа, которыми человека встречает сущее: мир, экзистенция и трансценденция. (Соответственно, можно говорить и о трех уровнях постижения человека, все более и более глубоких.) Первый, поверхностный, уровень постижения человека — это рассмотрение его жизни в мире. Можно сказать и иначе: мир и причастность человека к

¹³ Сразу отметим, что для нас взгляд «свыше» — это не потустороннее присутствие некоего абсолютного субъекта познания и его взгляд «оттуда», а рефлексивная позиция, учитывающая и соединяющая друг с другом субъективный и объективный аспекты познания человека.

нему есть все то, что может быть зафиксировано эмпирически, а также схвачено в рациональных понятиях. Короче, это все, что может знать о человеке наука»¹⁴.

Система «человек в мире» или «человек и мир», разделенная Ясперсом на сферы существования, сознания и духа, — это первый и весьма поверхностный, по мнению немецкого мыслителя, уровень постижения человека. Им занимаются наука и отдельные течения современной философии, близкие по своему духу и понятиям к позитивизму.

Далее Ясперса интересует то, что лежит за пределами мира, находящегося в компетенции науки, — более глубокий уровень постижения. Он показывает переход от «существования человека в мире» к «подлинному существованию» (*экзистенции*). «Экзистенция есть подлинное, или собственное, существование человека, существование, не определяемое ничем внешним — только лишь его собственной индивидуальностью»¹⁵.

Третий уровень постижения человека — *трансценденция* — присутствует, по Ясперсу, в истоках единой всемирной культуры, объединяющей культуры Востока и Запада. Это — что-то лежащее за пределами конкретной культуры и индивидуального существования человека и придающее им смысл¹⁶. Ее шифры нельзя постичь без обращения к философии.

Таким образом, человек, по Ясперсу, последовательно рассматривается в разных сферах: «существование в мире» («внешнее», отчужденное бытие) — «подлинное существование» (самобытие, экзистенция) — «выход за пределы» (трансценденция). Такое разграничение сфер человеческого бытия и, соответственно, уровней его постижения трудно сопоставимо с идеей «трех миров» К. Поппера, которую в данном контексте сложно реконструировать. Пожалуй, только третий мир Поппера можно условно соотнести с трансценденцией, понимаемой в духе Ясперса. Однако последний вряд ли согласился бы с Поппером в том, что именно этот мир, а не «существование в мире», как таковое, является предметом научного, а не философского познания.

Сторонники данной традиции в философии видят источник свободы человека и его свободной воли в природе Абсолюта или Божественного. Как писал К. Ясперс: «Человек — не просто разновидность животного; но человек и не чисто духовное существо, о котором мы ничего не знаем и которое в прежние времена мыслилось как ангел. Скорее следо-

¹⁴ Перцев А. Учение К. Ясперса о шифрах трансценденции и проблема взаимосвязи мировых культур (1992). С. 2 // <http://phil.usu.ru/library.htm?category=4&id=38>

¹⁵ См.: там же.

¹⁶ См.: там же.

вало бы сказать, что человек — это нечто единственное в своем роде. Отчасти он принадлежит к разряду живых существ, отчасти к разряду ангелов, но отличается как от тех, так и от других. Богословие и философия во все времена высказывались в пользу особого положения человека; оно было поставлено под сомнение лишь в период господства позитивизма. В проявлениях своего наличного бытия человек может уподобляться животным, в основах своей природы — Божественному как трансценденции, которая, как он знает, есть источник его свободы»¹⁷.

И еще одна особенность такой философской рефлексии. Человек, по А. Шопенгауэру, есть метафизическое существо, осознающее факт конечности своего существования. Поэтому он как существо конечное не может вообразить себе бесконечное; только став бесконечным существом, он может попытаться «поймать жар-птицу за хвост» — найти свой путь в бесконечность (а возможно, и в бессмертие). Но для этого ему необходимо перестать быть человеком в социокультурном смысле, т.е. надо *выйти за пределы нынешнего общества и культуры с их репрессивным потенциалом, привнеся всеобщие ценности и идеалы в новую социальность*.

Метафизическая (трансцендентная) сущность человека проявляется в его родовом и космическом назначении. Быть человеком — это особое предназначение и, если хотите, миссия, но миссия более фундаментальная, чем у творца истории, деятельность которого детерминирована извне. В понимании Фихте в осуществлении своего предназначения человек соединяется с самим собой, т.е. достигает полного тождества со своим «глубинным Я», а значит, и заключенной в нем космической сущностью, *Абсолютом*, — Богом, Творцом всего сущего, Мировым разумом, Идеей и пр. Именно на этом пути он становится сверхчеловеком, преодолевающим искусственные и естественные ограничения доступного ему мира. И такая идентичность приобретает трансперсональный характер.

Следовательно, с точки зрения философии трансцендентизма *человек есть не то, что он есть, а то, чем он может стать, если окажется в состоянии выйти за пределы своей социоприродной ситуации, преображая себя и свой жизненный мир и расширяя его до масштабов постижения Вселенной*¹⁸. Другими словами, человека нельзя понять «изнутри», исходя только из знания его прошлого (биографический опыт) и настоящего (реальная ситуация) или отдельных сторон его жизнедеятельности. Он познаваем лишь с учетом раскрытия своего потенциала и перспектив,

¹⁷ Ясперс К. Общая психопатология. М., 2007. С. 40.

¹⁸ «Человек — это стремление быть человеком», — подчеркивают В. Губин и Е. Некрасова (см.: Губин В., Некрасова Е. Философская антропология: Учеб. пособие. М., 2000. С. 47).

определяемых его будущим, которое обусловлено в свою очередь возможностью приобщения к трансцендентному. И для того чтобы понять это, нужно выработать иную точку зрения, а именно — взгляд «свыше», уйдя тем самым от соблазна рассматривать целостность человека в контексте видимых («кажимостных») и очевидных (наличных) условий жизни.

Трансперсональная идентичность есть процесс и результат трансцендирования человека, его выхода за рамки существующего и возможного в мир невозможного и непостижимого в пределах имеющегося у него социокультурного опыта.

Таким образом, человек есть одновременно идеальный образ «родового человека» (взгляд «извне»), свободное существо, противостоящее диктату общества и культуры, а также осуществляющее свой собственный выбор (взгляд «изнутри»), и подобие Абсолюта, метафизическая сущность которого выражена, в частности, трансперсональностью (взгляд «свыше»). Он представляет собой путника, идущего к постижению и обретению абсолютного бытия (свободы в Абсолюте). Будучи по своей социокультурной природе конечным существом, стремящимся к обретению своей родовой сущности, он не заканчивает своего движения к цели до самой смерти. В этом смысле человек есть *незавершенный проект* с точки зрения его постепенного и неуклонного движения к Абсолюту и достижения с ним гармонического единства. Мы убеждены, что человека можно понять лишь в его становлении, т.е. как становящегося, разворачивающегося субъекта, стремящегося преодолеть границы доступного ему социокультурного и природного миров.

Наша же собственная версия уровней постижения человека будет предложена в первом разделе книги. Мы попытаемся соотнести взгляды «изнутри» (собственно «человеческое познание») и «свыше» (трансперсональная рефлексивность) со взглядами «извне», характеризующими в нашем понимании объективистское (специализированное) человекознание, как научное, так и философское. Поскольку мы занимаем одновременно позиции исследователей, ищущих ответ на поставленный вопрос, и человека, которого изучают, то нам интересно посмотреть «изнутри» на то, что происходит в человеческом познании и может помочь нам в самопознании. В первой статье, помещенной в данный выпуск альманаха, мы постараемся обосновать собственную модель многогранного человека, а в материалах дискуссии дополнить ее рядом существенных моментов. Надеемся, что знакомство с данной концепцией побудило авторов альманаха к уточнению собственных позиций.

Однако построить многомерный или многогранный образ человека не так-то просто. В отечественной литературе предпринимались неоднократные попытки сформировать в процессе исследования многомерный образ человека¹⁹. К сожалению, они не вышли за рамки взгляда «извне» и остались по своей сути полидисциплинарными, а не трансдисциплинарными, к чему, возможно, стремились их авторы. Мы предпочитаем использовать для характеристики образа человека термин «многогранный», хотя различие между терминами «многомерный» и «многогранный» имеет не столь принципиальное значение и является предметом авторских предпочтений²⁰. Содержание первого термина («многомерный») предполагает, на наш взгляд, наличие у человека нескольких измерений, детерминированных, как правило, извне (внешними обстоятельствами и факторами), а второго – конфигурацию органически связанных между собой граней или сторон, являющихся в конечном счете областью пересечения «внешних» (социально детерминированных) факторов, и «внутренних» сил (результатом выбора самого человека).

Следует отметить, что понятие «многогранный человек» встречается не только в философской и научной литературе. В то же время этот термин распространен и в обыденной речи, особенно в тех случаях, когда авторы желают указать на множество граней образа живого человека²¹.

¹⁹ См.: Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Многомерный мир современного человека. М., 1998; Многомерный образ человека: Комплексное междисциплинарное исследование // Отв. ред. И.Т. Фролов и Б.Г. Юдин. М., 2001; Лазарев Ф.В., Литтл Б.А. Многомерный человек. Симферополь, 2001; Философская антропология. Человек многомерный: Учеб. пособие // Под ред. С.А. Лебедева. М., 2010, и др.

²⁰ В словаре русского языка В. Даля термин «грань» имеет несколько значений: граница, рубеж, предел, межа, край, кромка, конец и начало, стык, черта раздела. В минералогии гранями называют плоские или почти плоские поверхности природных кристаллов, образовавшиеся в процессе роста. Чтобы не вносить терминологическую сложность, приведем собственное понимание: грань – одна из сторон объекта, разделенная углом с другими его гранями. Термин же «многогранник» мы будем понимать вслед за Брокгаузом и Ефроном как «геометрическое тело, ограниченное многими плоскостями». Человек, рассматриваемый как многогранник, может иметь разные плоскости (грани), которые могут изучаться как «извне» и «изнутри», так и «свыше», т.е. рефлексивным образом.

²¹ Приведем одну из попыток обыденного описания многогранного человека, выраженного в стихотворной форме, которое мы позаимствовали на одном из сайтов (см.: <http://www.stihi.ru/2004/12/01-1191>).

Многогранный человек

*Наша личность – многогранная фигура,
В каждой грани свой характер и натура,
Каждой гранью в своих сферах мы живем:
Здесь работа, здесь досуг, а здесь мой дом.
Грань одна: я здесь смеюсь и улыбаюсь,*

*Всех люблю, и все теплом я согреваю,
И на жизнь смотрю, как на цветущий сад.
Жизнь – игра, и я играю наугад.
Грань другая: здесь усталость и тревога,
Черным пеплом здесь посыпана дорога,*

Наше введение не предполагает освещение всех тем, представленных в данном томе альманаха «Вопросы социальной теории». Мы сосредоточили свое внимание лишь на образах человека, которые служат или могут послужить основаниями для познания природы его идентичностей и разнообразия ее типов. В то же время мы не стремились к единству взглядов, а представили весь спектр авторских позиций, связанных с философским, культурологическим, социологическим и иным социально-научным прочтением проблем идентичности.

Заметим по ходу, что во введении к альманаху мы сознательно воздержались от желания дать развернутую трактовку идентичности, чтобы не обязывать авторов придерживаться какой-либо одной установки. В самом же общем виде мы рассматриваем идентичность как *тождественность (соотнесенность) смысложизненного центра человека*: (1) с социальным или культурным целым — группой, сообществом и их культурой («внешняя» — социальная, культурная и пр. — идентичность); (2) со своей самостью («внутренняя» идентичность или самоидентичность); (3) с Абсолютом и сферой трансцендентного (мета-, транс- или сверхидентичность). Именно такой, широкий подход соответствует трем основным позициям, сложившимся в философском и научном познании человека: взгляду «извне» (соотнесенность с природой, культурой и обществом), взгляду «изнутри» (самотождественность человека), взгляду «свыше» (тождество с Абсолютом, миром трансцендентного).

Итак, поиски оснований постижения человеческой идентичности продолжаются, и на суд философской и научной общественности выносятся новые подходы к изучению образов (конфигураций) многогранного человека. Содержательный же анализ самих концепций идентичности человека, представленных авторами альманаха, нами будет предложен в заключении.

Ю.М. Резник

*И ночами я брожу в тяжелых снах,
И на душу иногда сползает страх.
Третья грань моя: сплошная деловитость,
Все по полочкам разложено, разбито,
Для любой проблемы выход я найду,
И преграды я любые обойду.
Грань четыре: философское мышление,
Поиск цели в наших жизненных мученьях.*

*В пятой грани цель найти я не могу...
С этой грани я панически бегу.
Грань шестая: свет любви, желаний проза,
Колебания, надежды, сны и грезы,
Смех и слезы о несбывшихся мечтах.
Этой гранью я живу в своих стихах.
Этот список бесконечен, без предела,
А я, глупая, людей понять хотела...*